

И. С. Аксаков выговаривал О. А. Новиковой в письме от 21 августа 1882 г.: «Вы уже (...), кажется, слишком увлекаетесь Леонтьевым. Его незаурядный талант не искупает кривизны его мысли, способной оправдывать фанариотов и даже иезуитов. Он не столько христианин, сколько церковник, на днях он у меня был и принес свой разбор повести Л. Н. Толстого „Чем люди живы“ и утвердил меня в моем первоначальном мнении»<sup>5</sup>.

В творческих рукописях 1874 г. к роману «Подросток» Достоевский выделяет мысль о том, что из одного или нескольких сильных впечатлений, пережитых автором — поэтом, развивается художественная тема [15, с. 64]. Автор отталкивается от реального впечатления, а дальше «дело художника» (своевольное развитие образа, гипертрофия идеи, ситуация, доведенная подчас до гротеска). В начале работы над «Подростком» Достоевского особенно занимал один из будущих предполагаемых героев — «хищный тип». «Хищный тип», согласно рукописям, проповедник христианства, бросивший службу праздный помещик, бывший участник Крымской войны (все это напоминает Леонтьева), немного сочинитель, человек безнравственный и добрый одновременно, циничный и несчастный, честолюбивый и скептический.

Таким он видится писателю поначалу: «Сам себе сознается и с а м себе удивляется, с а м н а з ы в а е т с е б я х и щ н ы м т и п о м... и щ е т г р у з а, и щ е т в е р ы; но его придавил жучок» [15, с. 86]. «Главное желанье Его — это толковать, что порок вовсе не отвратителен. Он ненавидит ж е н е в с к и е и д е и (т. е. человеколюбие, добродетель без Христа) ...». «В нем, хищном типе, страстная и неутомимая потребность наслаждения жизнью, ж и в о ю ж и з н и ю...» [15, с. 86]. «Этот хищный тип — большой скептик. Социальные идеи у окружающих его, над которыми он смеется. Разбивает беспощадно идеалы у других...». «У него убеждение (хоть и не теория): нет другой жизни, я на земле на одно мгновение, чего же церемониться» [15, с. 62].

Позднее, как мы знаем, «хищный тип» обратился в Версилова, претерпев ряд существенных психологических изменений. Писатель придает «проповеднику христианства» и нечто сатанинское, и скрытый атеизм. Сходство психологии, идей, даже возраста предполагаемого героя романа Достоевского с указанным реальным современником писателя удивительно.

Идеи, темы, образы Ф. М. Достоевского переходят из одного романа в другой [16, с. 188 и сл.]. «Великий грешник», «хищный тип» в «Братьях Карамазовых» трансформируется, дробится и получает художественное воплощение в нескольких образах. «Теория», или «идея», которая владеет ими, в сущности одна — неверие в человека, презрение к нему; диапазон же ее раскрытия необычайно широк — от «инквизиторства» до «смердяковщины», от маккиавелизма гордого и жестокого властелина до глумливого и наглого цинизма жалкого калеки.

\* \* \*

Леонтьев помог решению вопроса о своей причастности к миру идей и образов Достоевского, бесстрашно показывая на себя. В марте 1881 г. К. П. Победоносцев предложил ему совместное издание сборника статей. «Сознаюсь в одном,— ответил 10 марта 1881 г., через полтора месяца после смерти Достоевского, публицист,— мне очень бы хотелось, чтобы статья о Достоевском („О всемирной любви“) попала бы в этот сборник»<sup>6</sup>. Издание не состоялось.

В 1882 г. К. Н. Леонтьев все-таки опубликовал отдельной брошюрой статью «Наши новые христиане», включавшую главу о христианстве

<sup>5</sup> ОР ГБЛ, ф. 126, картон 8336а, ед. хр. 8.

<sup>6</sup> ЦГАЛИ, ф. 290 (К. Н. Леонтьев), оп. 3, ед. хр. 5.